

Наступило утро понедельника, и мир для Элмера стал совершенно безмолвным.

Он знал, что у него уже не осталось времени, чтобы откладывать решение. У него было две недели — гораздо меньше, если не считать трёх дней до того инцидента, но он так и не смог всё обдумать.

Элмер без рубашки откинулся назад на холодный металлический каркас койки, его волосы всё ещё были влажными из-за небрежного полотенца, а глаза, которым не помогали очки, лежащие на коленях, были прикованы к открытой сумке под окном, и стук его сердца отдавался в ушах.

Если бы кто-нибудь подошёл к нему в этот момент и спросил, что произошло этой ночью, он не смог бы вымолвить ни слова. Он не мог вспомнить — вернее, не мог объяснить, как именно это произошло. Его разум помутнел при виде денежных пачек, уложенных в кожаную сумку, и следующее, что он понял, — это то, что он вернулся в квартиру находящейся на улице «Зубов и Ногтей».

Правда, он быстро сел в карету, но это был скорее рефлекс, чем осознание того, почему он поступил именно так. Да и сейчас причина была ему неизвестна.

После этого поступка — или рефлекса, как он считал, — он до сегодняшнего дня просидел в стенах шестой комнаты, за исключением тех случаев, когда у него не было другого выхода, кроме как выйти за едой или водой, и сегодня всё было бы иначе, если бы только у него был выбор.

Он должен был встать и поскорее уйти, должен был поскорее принять решение.

— Что мне делать, Мейбл? — Элмер опустил голову на уровень плеч и посмотрел на Мейбл, которая смотрела на потолок открытыми, запавшими карими глазами, лишёнными света.

Он ещё некоторое время смотрел на расплывчатую фигуру сестрёнки и, прекрасно понимая, что ответа от неё не дождется, снова повернулся к лежащей перед ним сумке.

Его губы сжались в легкую гримасу, когда он пробормотал: — Должен я или нет?

С тех пор как сумка появилась перед его глазами, его мысли переключились с поисков Пэтси на конфликт, связанный с использованием денег, которые находились в сумке, в своих целях. И хотя на все эти размышления у него было чуть меньше четырнадцати дней, он всё ещё находился там, откуда начал.

Элмер покачал головой и надел очки, придав своим мутным глазам чёткость, затем глубоко вдохнул и медленно выдохнул, после чего поднялся на ноги.

«Это единственный выход...» — проговорил он себе под нос, подходя к сумке и возвышаясь над ней, глядя на неё узкими глазами, полными решимости, и подчеркивая своё поведение выпячиванием обнажённой груди. Казалось, он хотел напугать сумку.

Но вскоре он отказался от бесполезной позы и со вздохом опустился на корточки.

Элмер сунул руку в сумку и взял в руки свёрток, и его пальцы почти сразу же напряглись от нежного и тонкого, гладкого ощущения бумаги, которая оказалась в них.

Он приостановился и закрыл глаза, его тело снова напряглось от нежелания, в то время как

разум колебался.

Если он решит не брать эти деньги, то как же он сможет получить необходимую сумму?

Он должен был встретиться с Хэнки сегодня — по правде говоря, он должен был быть там в данный момент. Раннее утро было уже давно позади. Но он всё ещё был здесь, мучаясь выбором, которого, как он уже заметил, у него не было.

Он пытался искать Пэтси, но это не помогло. Кого ещё, кроме неё, он знал, кто мог бы помочь ему заработать ту сумму, которую он искал? Илай Аткинсон не был человеком, которого можно случайно встретить и попросить о работе. Молодой доктор сказал, что если ему что-то понадобится, то он сам обратится к нему, так что это тоже не вариант. Другого выхода не было.

Элмер приоткрыл глаза и, словно свёрток, который он держал в руках, вдруг стал весить больше камня, с силой выдернул руку из сумки, явив взору зелёные купюры с цифрой десять, отчетливо написанной слева вверху, наваленные друг на друга и перевязанные денежным ремешком с жирными словами «Городской Банк Ур».

Его грудь напряглась и вмиг расслабилась. Теперь пути назад не было.

Элмер пересчитал пачку и убедился, что в ней сто минтовых банкнот.

Тяжело дыша, он торопливо достал ещё шесть и положил их перед первой пачкой, а затем пересчитал каждую, пока не убедился, что в сумме они составляют семьсот.

Вздохнув, он встал, решив, что с него хватит, и окинул проницательным взглядом лежащие перед ним денежные пачки.

Надев рубашку, подтяжки и поясную сумку, Элмер завершил свои приготовления, наполнив сумку семью пачками с сотнями денежных купюр.

Для револьвера и перчаток места в сумке не осталось, и он аккуратно положил их на стол. И тут его взгляд упал на дневник, заполненный энохианскими символами, на бумагу для перевода, которую он получил от Дикинсона, а также на книгу в мягкой обложке, которую он купил для своей незавершённой работы.

В книге было всего три страницы — всё, что ему ещё предстояло прочитать, а в дневнике, по его мнению, было чуть больше двадцати страниц, причём большинство символов на последних страницах уже поблекли, а сами страницы пропали.

С тех пор как он принёс в дом сумку с деньгами, ему никак не удавалось полностью сосредоточиться на переводе, но теперь, после того как он вернётся с сегодняшних дел, ему придется поднапрячься. Он должен был отбросить все свои слабости и заставить себя сделать всё необходимое, в том числе и полностью перевести и прочитать этот журнал. Только так он мог помочь Мейбл.

Элмер посмотрел на сестру, затем наклонился и провёл пальцем под её носом, в ответ получив дуновение тёплого воздуха.

Затем он кивнул головой и вышел из комнаты, его талия напряглась от тяжести того, что он нёс.

...

Элмер уже знал, что опоздает, но не ожидал, что это окажется слишком серьёзной проблемой. В прошлый раз, когда он приходил, пекарня была пуста, хотя сейчас там было совсем не так.

Шум оглушал его, а небольшая ширина пекарни не помогала справляться с постоянной толкотнёй покупателей, снующих по магазину.

Он видел, как Хэнки наполняет бумажные пакеты хлебом и пирожными и раздаёт их покупателям из-за прилавка, но не мог разглядеть его. Тот, кто не любил шум, похоже, наслаждался этим.

Элмеру захотелось крикнуть, но какой невоспитанный человек будет так поступать? Определенно не он. Поэтому он продолжал тасоваться в толпе, пытаясь подойти к прилавку, пробираясь через промежутки, оставленные теми, кто получил свой заказ и вышел, прежде чем новые покупатели, забредшие сюда, заполнят его.

Его искренне удивляло, что у Хэнки так много клиентов, но в то же время мучило любопытство, зачем он суётся в нелегальную работу, если и так неплохо живёт.

Но Элмера это мало волновало. Ему незачем было копаться в причинах, по которым кто-то другой живёт так, как живет, — этот урок он усвоил на собственном опыте.

Внезапно, сквозь постоянные ссоры с толчками, он почувствовал, как крошечная рука потянула его за руку. Остановив свои попытки, он посмотрел вниз и увидел знакомое лицо, которое в прошлый раз было двойным, и на этот раз не было измазано мукой.

Он выдохнул, понимая, что означает приближение к нему одной из половинок близнецов.

— Хэнки просит пойти со мной, — сказал мальчик так мягко, что Элмер был уверен, что тот, кто с ним, — менее откровенный из близнецов.

Элмер кивнул и последовал за мальчиком, когда они обогнули толпу, прошли через край переполненного магазина и вошли в дверь из красного дерева рядом с прилавком.

Прежде чем войти, Элмер украдкой взглянул на Хэнки, но тот не удостоил его и взглядом. Может быть, потому, что был занят — но разве не он должен был дать ему то, за чем он пришёл?

Дверь захлопнулась, и Элмер очутился на кухне для выпечки; его тело сразу же окутало идеально сбалансированное тепло — из-за того, что единственное окно в комнате было открыто наполовину, а в нос ударил сладкий аромат свежее испечённого хлеба, муки, масла и теста.

На стенах в дальнем углу комнаты висели кастрюли, просеиватели и другие инструменты для выпечки, а на единственной деревянной полке, установленной напротив окна, стояли баночки с различными специями.

Прислонившись к столу для мытья посуды рядом с кованой печью, стояла молодая женщина с длинными чёрными волосами, на вид лет двадцати пяти, одетая в повседневное платье коричневого цвета с фартуком, обёрнутым вокруг талии. Увидев его, она улыбнулась и поприветствовала кивком головы. Элмер сделал то же самое. Он подозревал, что она — мать близнецов.

В то время как перед посыпанной мукой деревянной столешницей, на которой стояло несколько мисок для смешивания, находилась второй близнец, неустанно разравнивавшая тесто скалкой. Так было до тех пор, пока...

— Нед, нет! Это я должен разравнивать тесто! — вдруг закричал тот близнец, которая привёл Элмера в пекарню, и это ошеломило его.

Тон голоса мальчика заметно изменился, и Элмеру стало интересно, как это так. Разве он не был менее откровенным?

— Но, Тед, мама разрешила мне, — сказал второй близнец, прекращая своё занятие: его руки нежно поглаживали скалку.

Тед поспешно перешёл от Элмера, стоявшего у двери, к своему близнецу и выхватил скалку.

— Иди и займись чем-нибудь другим. — Он указал на него, и Нед почти не сопротивлялся, а затем, едва сдерживая себя, устремился прочь от брата к матери.

Элмер не смог скрыть удивления на своем лице. Близнецы были неотличимы друг от друга не только внешне, но и по характеру, или это был только этот мальчик Тед?

— Я уже говорила тебе, чтобы ты перестал так поступать со своим братом, Тед, — сказала женщина, нежно обхватив руками шею Неда.

— Я ничего не делал, — ответил Тед, а затем указал на Элмера.

— Я хотел разровнять тесто, и ты сказала, что я сделаю это после того, как приведу его. Я сделал, как ты сказала, так что позволь мне сделать то, что ты мне обещала. — Он на мгновение надулся, а затем продолжил работу брата, раскатывая тесто скалкой.

Их мать вздохнула, потом потёрла руки о грудь Неда и сказала: — Иди и замеси муку для следующего пирога. — Нед кивнул и отправился выполнять её просьбу.

— Простите меня, — обратилась она к Элмеру. — Дайте мне минутку.

Элмер кивнул, и она слегка поджала уголки губ, прежде чем надеть варежки, лежавшие на столе для стирки, и открыть дверцу духовки.

Вытащив противень со свежеспечёнными булочками, Элмер подумал, не она ли предоставит ему бланк. Скорее всего, так оно и будет, поскольку Хэнки здесь не было и, скорее всего, он не придёт.

Прошло больше минуты, но гораздо меньше двух, прежде чем женщина сняла варежки и подошла к нему с коричневым конвертом.

— Вот, — сказала она. — Можете проверить.

И Элмер проверил.

Он вскрыл конверт и достал бланк, убедившись, что в нижней его части стоит красная круглая печать с неровными краями и изображением часов с одной стрелкой, направленной вверх. Он не знал, как именно выглядит печать Церкви, но ему оставалось только верить, что это она, а поскольку она совпадала с начертанной эмблемой в начале бланка, это придавало ему некоторую уверенность.

Ему также было немного интересно, каким именно образом была изготовлена печать? Не обманули ли его, ведь эмблема на бланке была очень похожа на печать внизу? Может быть, он мог просто купить дешёвую чернильницу с красными чернилами и воспроизвести печать самостоятельно, или есть что-то другое, что отличает подделку от оригинала?

— Хорошо? — спросила женщина, и Элмеру ничего не оставалось, как кивнуть в знак согласия.

Затем он достал из сумки денежные пачки и с глубоким выдохом протянул их ей. Женщина улыбнулась и пересчитала всё, после чего кивнула головой, давая Элмеру добро на уход.

Но когда он повернулся, чтобы сделать это, она довольно ровным тоном сказала: — Ты никогда сюда не приходил.

Элмер обернулся и увидел, как она укладывает деньги в бумажный пакет, а её близнецы странно смотрят на него, словно тоже предупреждают, чтобы он держал язык за зубами.

Стены комнаты вдруг наполнились каким-то тревожным давлением, от которого у него свело брови, и никто не успел ему ничего сказать, как он поспешил прочь оттуда.

На этот раз, закрывая за собой дверь из красного дерева, он встретил взгляд Хэнки, узкий и полный предостережения. Хэнки усугубил давление, которое оказывали на него женщина и близнецы, и Элмер убедился, что понял их.

Они говорили ему, что, если Церковь когда-нибудь поймает его, он должен быть уверен, что не выдаст их.

Это не было проблемой. Его губы будут закрыты, даже если они не будут сверлить его странными взглядами. И он никогда не позволит Церкви завладеть им.

...

Элмер вышел из общественной кареты, которая привезла его к следующей остановке.

Окинув взглядом аллею, он увидел, что здание бюро «Светящийся глаз» всё ещё стоит, а дорожка перед ним также пуста.

Он надеялся, что всё пройдет хорошо, как только он войдёт в здание, — очень хотелось, чтобы так и случилось, ведь до окончания действия иллюзорного зелья оставалось чуть больше двух недель.

Элмер выдохнул и натянул подтяжки, но как раз в тот момент, когда он собирался перейти дорогу, из дверей бюро высунулось знакомое лицо человека, одетого в белую рубашку с коричневым жилетом и брюками, и этот вид привёл Элмера в замешательство, а также нахмурил брови.

В голове у него чуть больше секунды крутилось смятение, прежде чем он пробормотал себе под нос: — Лев?